

УДК 821.111-193.3"18"

ОБРАЗ ПРИРОДЫ В СОНЕТАХ ДЖОНА КИТСА

Е.Г. Линючкина, М.А. Козырева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Цель статьи заключается в вычленении концепта природы в сонетном творчестве Джона Китса (John Keats, 1795–1821). В результате анализа выявлено, что данный образ у английского поэта-романтика начала XIX в. складывается из нескольких взаимодействующих пластов. С одной стороны, природа предстаёт в многообразных своих проявлениях – от микро- (зёрнышко, кузнечик, капля росы) до макроскопических (океан, скала). Предметы и явления природы выступают не только как визуальные формы, знакомые читателю, но и как различные символы. Так, богатый смысл Китс вкладывает в образы цветов: розу, фиалку, гвоздику и др. С другой стороны, природа неразрывно связана с философскими понятиями, такими как Любовь и Красота, при этом одновременно является синонимичной им и более весомой, чем они. Кроме того, этот концепт включает в себя библейские и мифологические образы, выступающие в качестве олицетворённых сил природы. Наконец, в единении с природой находятся чувства и переживания лирического героя Китса, вызванные созерцанием естественных красот земли, в том числе двух стран: Англии и Италии. Авторами показано: концепт природы у Джона Китса формируется на предметном, философском, символическом и эмфатическом уровнях.

Ключевые слова: концепт природы, Джон Китс, мифологические образы, понятие красоты, понятие любви, Англия, Италия, символ

Основной причиной нашего интереса к Джону Китсу (John Keats, 1795–1821) является тот факт, что он один из наименее открытых для отечественного читателя английских поэтов: в XIX в. на русском языке увидели свет лишь единичные переводы его стихотворений; в XX столетии появляется много новых изданий, однако они включают в себя в основном лирические произведения автора и хрестоматийные поэмы «Изабелла, или Горшок с базиликом» (*Isabella; Or, The Pot of Basil*, 1818), «Гиперион» (*Hyperion*, 1819) и «Канун святой Агнессы» (*The Eve of St. Agnes*, 1819); только в XXI в. переводятся «Эндимион» (*Endymion*, 1818) и «Колпак с бубенцами, или же Зависть» (*The Cap and Bells; Or, The Jealousies: A Faery Tale*, 1819). Полностью творческое наследие Китса русскому читателю неизвестно, до сих пор не существует перевода драмы в стихах «Отто Великий» (*Otho the Great*, 1819) и трагедии «Король Стефан» (*King Stephen*, 1819).

Тем не менее интерес к проблемам английского романтизма в целом и творчеству Джона Китса в частности в последнее время достаточно высок, о чём свидетельствуют труды Е.В. Халтрин-Халтуриной [1] и А.Ю. Зиновьевой [2].

Возникает потребность осмыслить рецепцию творчества английских поэтов-романтиков в России, например, в работах Т. Жужигиной [3], А.Э. Дудко [4], А.Н. Позднякова [5]. Несмотря на большое количество исследований творчества Китса (см., например, [6–12]), как за рубежом, так и у нас в стране нет работ, посвящённых изучению концептосферы его поэзии.

Творчество поэта – это в первую очередь совокупность идей и образов, которые он пытается донести до своих читателей. Полноценное восприятие концептов авторского мира носителями иной культуры можно считать вероятным, если допустить возможность адекватного переноса представлений автора через перевод в другой язык. Отсюда очевидна необходимость вычленения основных образов в творчестве того или иного зарубежного автора, чтобы затем создать описание его концептосферы.

В настоящей статье мы обращаемся к изображению природы в сонетах Джона Китса, так как именно она занимает важное место в художественной картине английского романтизма. Обращение к сонетам связано с тем, что именно они являются, на наш взгляд, вершиной творчества писателя, к тому же в наибольшей степени привлекали и привлекают русских переводчиков. Причём вполне осознанно мы останавливаемся только на образной системе, оставляя в стороне особенности поэтической формы. Изучение этого аспекта может стать предметом отдельного исследования.

Впервые термин «концепт» встречается у Пьера Абеляра (Petrus Abaelardus, 1079–1142) и трактуется как «связывание высказываний в одну точку зрения на тот или иной предмет при определяющей роли ума, преобразующего высказывания в льнущую к Богу мысль» [13, с. 141]. Согласно исследованиям отечественных учёных концепты (если следовать средневековому философу-схоласту, *своя точка зрения*, или «схватывание») помогают выразить национальную идентичность в условиях глобализации жизни мирового человеческого сообщества (подробнее см. [14–18]). Такое мышлепредставление (со-мысле) формируется в текстах культуры, а источниками сведений для постижения концептов служат прецедентные тексты, в частности концепции, выработанные в том или ином произведении словесного творчества.

Следует сказать, что дискуссия о дефиниции концепта продолжается до сих пор и связана в основном с разграничением таких наименований, как «понятие», «значение», «смысл». Ю.С. Степанов полагает, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [15, с. 40].

На наш взгляд, огромное значение для понимания образов природы в сонетах Китса имеет тот факт, что во многих случаях обращение к ней обусловлено не столько необходимостью описания или созданием художественного образа, сколько желанием донести до читателя своё личное отношение к природе как к философской единице, как к предмету для размышлений и сопоставлений. Во многих своих стихотворных произведениях Китс говорит о природе как о понятии абстрактном, которое необходимо рассматривать не только как определённую реалию жизни, но и в соотношении с различными философскими

категориями. В этой связи нам бы хотелось на примере некоторых сонетов: «Кузнечик и сверчок» (*On the Grasshopper and the Cricket*, 1816) (J.K., p. 45; К.Д., с. 49), «Вновь к Хейдону» (*Addressed to the Same*, 1816) (J.K., p. 44; К.Д., с. 48), «Тому, кто в городе был заточён» (*To One Who Has Been Long in City's Pent*, 1816) (J.K., p. 42; К.Д., с. 46), «Благословенна Англия! Вовек...» (*Happy is England! I Could Be Content...*, 1816) (J.K., p. 46; К.Д., с. 50), «Моему брату Джорджу» (*To My Brother George*, 1816) (J.K., p. 38; К.Д., с. 41), «Другу, пригласившему мне розы» (*To a Friend Who Sent Me Some Roses*, 1816) (J.K., p. 40; К.Д., с. 43), «Посвящение Ли Ханту, эсквайру» (*Dedication to Leigh Hunt, Esq.*, 1817) (J.K., p. 2; К.Д., с. 5), «Скале Эйлса» (*To Ailsa Rock*, 1818) (J.K., p. 308; К.Д., с. 235), «Гомеру» (*To Homer*, 1818) (J.K., p. 293; К.Д., с. 172), «Перевод сонета Ронсара» (*Translated from Ronsard*, 1818) (J.K., p. 318; К.Д., с. 240), «На посещение могилы Бёрнса» (*On Visiting the Tomb of Burns*, 1818) (J.K., p. 302; К.Д., с. 174), «Перед прочтением “Короля Лира”» (*On Sitting Down to Read “King Lear” Once Again*, 1818) (J.K., p. 283; К.Д., с. 162), «Яркая звезда» (*Bright Star*, 1819) (J.K., p. 416; К.Д., с. 202), – рассмотреть, какое место занимает природа в системе мироздания Китса и как в его понимании она соотносится с другими понятиями, важными для человечества в целом и для поэтического творчества в частности.

Одна из концепций природы, которая встречается в произведениях Китса, – это природа как единое начало, как неделимая сила, действующая в своих интересах. Это понимание часто связывается у писателя с мифологией, но здесь у него появляются разночтения. С одной стороны, природа – богиня Олимпа, правит миром наряду с остальными богами; с другой – она распадается на несколько воплощений – богов, которые отвечают за различные её сферы (Нептун, Пан, Диана, Флора). Наконец, природа может рассматриваться как явление, родственное всемогущему Богу, управляющее не только людьми, земной флорой и фауной, но и богами Олимпа.

Обратимся к «Переводу сонета Ронсара». Природа выступает как наиболее могущественная из всех земных и небесных сил. В этом стихотворении Китс говорит о ней будто о существе, которое чего-то хочет и достигает своих целей:

Nature withheld Cassandra in the skies	Природа, щедрости полна благой,
For more adornment a full thousand years;	На небесах за веком век таила
She took their cream of Beauty's fairest dyes,	Кассандру, наделённую красой,
And shap'd and tinted her above all Peers...	Что блеском дивным превзошла светила
(J.K., p. 318).	(К.Д., с. 240).

Она намеренно оставляет Кассандру на небе, украшает её. Природа – сила не рефлекторная, она не просто существует, но созидает и действует по своим собственным законам. Следовательно, все её глобальные и мелкие проявления обладают целесообразностью.

Важно отметить, что для Китса природа многолика и среди её воплощений часто происходит борьба. Такое отношение поэта к самым её масштабным проявлениям отразилось в сонете «Скале Эйлса» (J.K., p. 308). Здесь ярко представлены две стихии, которые сталкиваются между собой за право управлять огромной горой. Китс использует приём непрямого образного параллелизма.

Первая стихия – море. Глубины (“deep”) и киты (“whales”) создают ощущение громадности. Ей противопоставляется вторая стихия – воздух, который характеризуется бесконечным небом и орлами (“the eagle-skies”), что тоже наводит нас на мысль о чём-то огромном. Обе сущности находятся в постоянном, вечном (“eternities”), по Китсу, противоречии. В данном случае гора (“rock”) лишь добыча одной из стихий.

«В этом обострённом внимании к противоречивости вселенной, – отмечает Н.Я. Дьяконова, – проявляется романтический характер мировоззрения Китса, причастного диалектике и чуждого представлению о застывших, законченных формах. Даже огромная скала, неподвижная каменная глыба в его восприятии обладает голосом – диким криком летающих над нею водяных птиц, обладает прошлым, уходящим в далёкие времена, когда она впервые вознеслась из волн морских, когда по склонам её внезапно бросились вниз могучие потоки, когда её со всех сторон закрыли облака. Хотя жизнь её состоит из “двух мёртвых вечностей” (“two dead eternities”) – замечательный пример характерной для романтиков образной конкретизации отвлечённых понятий, породили её катаклизмы природы, гигантские землетрясения» [19, с. 8].

Китс вводит не только две основные стихии, он пытается в четырнадцать сонетных строк вместить все силы природы: гору, водные потоки, солнце, неизвестную могущественную силу, которая приказала горе подняться со дна морского, гром, облака, землетрясение. Таким образом, мы видим взаимодействие всех явлений природы, каждое из которых может быть сильнее или слабее, может выполнять ту или иную функцию, вступать в сложные и противоречивые отношения помощи, борьбы, противостояния, поддержки и т. д.

Природа, по Китсу, может подвергаться и более глубоким изменениям. Например, в «Посвящении Ли Ханту, эсквайру» говорится о том, что «слава и нежность» (“glory and loveliness”) остались в прошлом, что больше не видит он клубов ладана, встречающих на востоке улыбающийся день; больше нет юных нимф, украшающих розами, фиалками и гвоздиками часовню Флоры; не сидит под деревьями Пан. Всё в жизни проходит и изменяется. Даже такая вечная вещь, как природа, меняет свои очертания:

Glory and loveliness have passed away;
For if we wander out in early morn,
No wreathed incense do we see upborne
Into the east, to meet the smiling day:
No crowd of nymphs soft voic'd and
young, and gay,
In woven baskets bringing ears of corn,
Roses, and pinks, and violets, to adorn
The shrine of Flora in her early May
(J.K., p. 2).

Краса и слава не вернутся к нам:
Не видеть больше утренней порою,
Как вьётся пред смеющейся зарёю,
Венком сплетаясь, лёгкий фимиам:
Не встретить нимф, спешащих по лугам
Нежноголосой праздничной толпою
Колосьями, цветами и листвою
Украсить Флоры ранний майский храм
(К.Д., с. 5).

Переход в сонете от природы, созданной воображением, к реальной не выделяется автором. Это позволяет нам сделать вывод о том, что для Китса мифология и повседневность могут быть равны в своей красоте. Он видит прекрасное не столько в искусственном украшении, сколько в естественности, простоте, в чудесных дарах природы, которые заключаются в обычной листве:

...But there are left delights as high as these, And I shall ever bless my destiny, That in a time, when under pleasant trees Pan is no longer sought, I feel a free A leafy luxury, seeing I could please With these poor offerings, a man like thee (J.K., p. 2).	...Но есть ещё высокие мгновенья – И благодарен буду я судьбе За то, что в дни, когда под тихой сенью Не ищут Пана на лесной тропе, Бесхитростные эти приношенья Отраду могут подарить тебе (К.Д., с. 5).
---	--

В упомянутом нами «Переводе сонета Ронсара» Китс ставит природу выше красоты в иерархии различных ценностей. Она играет роль управляющего начала, одаривая красотой по своему разумению. С другой стороны, в сонете «На посещение могилы Бёрнса» Китс рисует иные взаимоотношения: природе чуждо понятие красоты. Она всегда была, есть и будет настоящей, она по сути своей не может быть искусственной:

For who has mind to relish, Minos-wise, The real of Beauty, free from that dead hue Sickly imagination and sick pride Cast wan upon it? (J.K., p. 302)	...И счастлив, кто, как Минос-судия, Познал суть красоты, свободной вечно От спеси и фантазии больной, Её мертвящих... (К.Д., с. 174)
---	--

Одним из стихотворений, воплотивших размышления Китса о силе поэтического воображения, является сонет «Гомеру». Он говорит о силе личности, о том, что природа раскрывается перед великим Гомером, помогает ему. Ради него падает занавес неба, Нептун создаёт ему жилище из морской пены, Пан заставляет лесных жителей петь. Существенно то, что не любой человек может заставить силы природы повиноваться ему. Только наделённый мудростью способен на такое. Мы видим и отчуждение Китса от современности. Не находя примеров для поклонения среди людей своего времени, он вынужден обращаться к античности.

Через природные явления описываются Китсом в этом сонете и те истины, которые постигает мудрый человек, когда с его глаз спадает пелена. В третьем катрене он отмечает: «у края темноты есть свет» (“Aye, on the shores of darkness there is light”), «из пропасти тянутся ростки зелени» (“And precipices show untrodden green”), «в полночи есть зародыш утра» (“There is a budding morrow in midnight”) (J.K., p. 293). Все три предложения развивают мысль поэта-романтика о том, что во всём есть что-то хорошее, нет абсолютного зла. Для нас особенно важно: все три предложения третьего катрена – метафоры, основанные на природных явлениях. Китс использует образы природы, чтобы донести до читателя свои философские размышления, которые не всегда связаны с этим понятием. Даже говоря об абсолютном зле, он передаёт свои идеи через элементы природы.

В сонете «Благословенна Англия! Вовек...» Китс соотносит разные типы природной красоты. На смысловом и языковом уровнях стихотворение очень чётко делится на две части. В одном ряду оказывается всё связанное с Англией, с простотой, а в другом – всё, что относится к Италии, стране, которую Китс так хотел посетить, с её масштабностью, красотой, яркостью. Однако обе ипостаси природы обладают огромной значимостью для поэта.

Обратимся к первой части стихотворения. Автор начинает с описания своей родины, он видит её красоту, но она очень проста и привычна: «зелень» (“verdure”), «бриз» (“breeze”), «высокие деревья» (“tall woods”) (J.K., p. 46). Это спокойное, ровное, мало эмоциональное описание природы говорит о том, что поэт любит свою родину, но не считает её лучшей на свете.

Совершенно иной подбор слов можно увидеть в описании красоты далёкой Италии. Природа её отнюдь не похожа на кроткую простоту Англии. Италия – это Альпы, напоминающие трон, это небеса:

Yet do I sometimes feel a languishment	Но иногда мне мыслится побег
For skies Italian, and an inward groan	К долинам италийским: и громады
To sit upon an Alp as on a throne,	Суровых Альп мои объемлют взгляды,
And half forget what world or worldling	И их слепит вершин алмазный снег
meant (J.K., p. 46).	(К.Д., с. 50).

Описание природы заменяет авторские переживания. Мы видим, как автор хотел бы полюбить простую красу родных пейзажей, но душа его порой лежит к крайним, резким проявлениям натуры чужой страны. В этих оппозициях ярко отражаются терзания поэта; он пытается найти в себе столь же яркие чувства к родине, как те, которые он испытывает к Италии, но не может.

Природа у Китса не только оказывается философской категорией, но и помогает автору раскрыть своё понимание мироздания, жизни людей, вечных ценностей.

Очень часто Китс обращается не просто к описанию маленьких прелестных уголков природы, но к её масштабным проявлениям, таким как *небо, море, солнце* и проч. Например, в сонете «Моему брату Джорджу» Китс говорит об океане:

The ocean with its vastness, its blue green,	И моря в необъятности небес
Its ships, its rocks, its caves, its hopes, its	Пещеры, скалы, радости, угрозы
fears, –	О вековечном насылали грёзы...
Its voice mysterious... (J.K., p. 38)	(К.Д., с. 41)

При описании природы поэту свойственно использование перечислений, с их помощью он создаёт ощущение картины, мелькающей перед читателем, что подчёркивается убыстрением ритма стихотворения. Так, в сонете «На посещение могилы Бёрнса» Китс использует тот же приём, чтобы дать возможность читателю увидеть картину города в его тесной связи с природой:

The town, the churchyard, and the setting	Кладбище, крыши, солнечный заход,
sun,	Деревья и холмы вокруг... (К.Д., с. 174)
The clouds, the trees, the rounded hills...	
(J.K., p. 302)	

Важно отметить, что при схожести приёма, к которому прибегает автор, эффект сильно различается. При описании океана наш взгляд постепенно охватывает различные его части, и таким образом мы не просто видим картину водной стихии, но и чувствуем безграничность океана, его огромный размер. Давая описание этой стихии по частям, Китс подчёркивает невозможность разом окинуть её взглядом. Совершенно иначе тот же приём можно интерпретировать

в сонете «На посещение могилы Бёрнса». Здесь мы постепенно подмечаем всё новые и новые детали описания.

Значимо и то, что Китс сначала указывает на предметы, созданные человеком: «церковь» (“church”), «двор» (“yard”), «город» (“town”) – и только потом переходит к природным явлениям: «солнце» (“sun”), «облака» (“clouds”), «деревья» (“trees”), «холмы» (“hills”). Взгляд читателя сначала словно обращён вниз на город, а потом поднимается вверх и опускается вновь, уже останавливаясь на естественных явлениях. Автор фокусирует внимание не на тёплом садящемся солнце, а на «холодной, странной» (“cold-strange”) земле (J.K., p. 302).

Как уже было сказано, Джон Китс часто описывает масштабные стихии природы, но не менее ему интересны её маленькие уголки, которые прекрасны своей камерностью. Примером может служить сонет «Тому, кто в городе был заточён», где описывается любование природой человека, проводящего всё своё время в городе. В каждой строчке стихотворения проявляется нежность и сентиментальность автора: прекрасные пейзажи становятся для него символом красоты и отдыха от городских будней. Лирический герой сонета созерцает простую красоту (небо, солнце, облака), лежит на зелёной траве, но для Китса все эти простые вещи являются чем-то большим. Стремясь охватить всю бесконечность природы, поэт говорит обо всём – от океана до маленького цветка, желая показать всю сущность природы и в первом, и во втором.

Далее обратимся к сонету «Другу, приславшему мне розы». Это стихотворение полностью посвящено розам, но встречаются здесь и другие описания. Лирический герой Китса гуляет по полю, где жаворонок пьёт росу с клевера:

As late I rambled in the happy fields, What time the sky-lark shakes the tremulous dew From the lush clover covert... (J.K., p. 40)	Бродил я утром по лугам счастливым: Когда вспорхнувший жаворонок рад Рассыпать вдруг росинок мириад... (К.Д., с. 43)
--	---

Джон Китс использует в обращении к образу розы приём классификации: он сравнивает три вида роз, которые различаются как внешне, так и символически. Первой перед нами предстаёт роза дикая (мускусная), затем садовая, а потом как отдельный вид. Китс представляет розы, подаренные ему другом. Причём образ цветов создаётся с помощью сравнения, через запахи, звуки. Читатель видит лишь отношение автора к ним, а не прямое описание:

I saw the sweetest flower wild nature yields, A fresh-blown musk-rose; 'twas the first that threw Its sweets upon the summer: graceful it grew As is the wand that queen Titania wields. And, as I feasted on its fragrantcy, I thought the garden-rose it far excell'd: But when, O Wells! thy roses came to me My sense with their deliciousness was spell'd (J.K., p. 40).	Когда свой щит с узором прихотливым Подъемлет рыцарь, – мой приметил взгляд Куст диких роз, что волшебство таят, Как жезл Титании в рывке ревнивом. Я упоён душистой красотой Бутонов – им на свете нет сравненья, И душу мне подарок щедрый твой Наполнил, Уэллс, восторгом утешенья... (К.Д., с. 43)
--	---

Интересно, что во многих сонетах Китса лирический герой находится в одном и том же положении: лежит на траве, под солнцем и небом (ср. «Посвящение Ли Ханту, эсквайру» и «Тому, кто в городе был заточён»). Это может говорить о глубоко позитивном отношении Китса к природе. Поэт видит её как солнце, тепло, греющее странника, как небо, которое синее на горизонте и по которому плавают облака, как траву, дающую мягкий приют любому гостю.

В описании маленьких уголков природы Джон Китс не упоминает о дождях, сырости, снеге, пронизывающем ветре. Для него красота деревенского пейзажа состоит в глубокой нежности, в том, что человеком воспринимается как удобное, мягкое, радостное.

Однако следует отметить, что родиной Китса является Англия – «туманный Альбион» (“clouds of Albion”), как он сам её называет в одном из сонетов (J.K., p. 283). Характерной природной особенностью этой страны выступают частные морозящие дожди, но Китс не упоминает о них. Это, правда, отнюдь не значит, что он не воспринимает красоту буйства и движения природы. По мнению, поэта такая красота в полной мере может проявиться только в природе стихий. Именно поэтому у него скалистые холмы поднимаются со дна морского в «Скале Эйлса», воды омывают все берега земли в «Яркой звезде», а огромный океан вмещает в себя корабли, дали, волны и людей в сонете «Моему брату Джорджу». Природа может буйствовать только с громадами, способными выдержать её буйство, а маленькие прекрасные уголки должны прославлять её тихое и нежное спокойствие.

Интересно, безусловно, то, что Китс всегда очень сильно удаляет природу от цивилизации. Его лирический герой устал от суеты, как в сонете «Тому, кто в городе был заточён». Если город появляется в стихотворении, то только как отправная точка, из которой герой уходит любоваться истинной красотой. Так, в сонете «На посещение могилы Бёрнса» слово *city* ‘город’ стоит первым, и лирический герой через церковный двор уходит к природе (J.K., p. 302). Для Китса город – это всегда оппозиция природе, нечто, если и совместимое с ней, то живущее своей отдельной жизнью.

Хочется сказать, что в своих сонетах Джон Китс часто говорит о вещах, которые очень сложно увидеть:

- жаворонок, пьющий с клевера (“the sky-lark shakes the tremulous dew” (J.K., p. 40));
- кузнечик, поющий песенки и отдыхающий под листом травы (“the Grasshopper’s... tired out with fun He rests at ease beneath some pleasant weed” (J.K., p. 45));
- сверчок, прячущийся за печкой (“from the stove there shrills the Cricket’s song” (J.K., p. 45)), и т. п.

Именно в силу своей единичности и сиюминутности это образы остаются глубоко авторскими, как воспоминания. В письме к своему знакомому по Оксфорду Б. Бейли (Летерхед, 22 ноября 1817 г.) Джон Китс замечает: «Я никогда не живу предощущением счастья. Если оно не сиюминутно, счастье оставляет меня равнодушным. Лишь то, что происходит на моих глазах, приводит меня в трепет. Садится солнце – и я преображаюсь, вспрыгнет воробей на подоконник – я тут же, вселившись в него, принимаюсь склёвывать зерна...» (К.Д., с. 208).

Ещё одним часто используемым приёмом в сонетах Китса является олицетворение природы. Очень ярко это проявилось в сонете «Тому, кто в городе был заточён», где почти каждое явление природы предстаёт перед читателем с человеческим лицом. Китс наделяет каждый элемент природы характером и в соответствии с этим какой-то человеческой чертой. У неба чистое и открытое лицо (“the fair and open face of heaven”) и улыбка (“the smile of the blue firmament”). По нему плывут маленькие облака, причём не беспорядочно, а с определённой целью (“sailing cloudlet’s bright career”) (J.K., p. 42). Прекрасная природа противопоставляется цивилизации, которая воспринимается как клетка, камера; а с другой стороны, наделённые человеческими чертами явления природы создают ощущение общения человека с окружающим миром. Он не скучает наедине с природой, потому что его окружают очеловеченные явления и элементы естественного мира, которые сходны с элементами городского интерьера, как, например, ложе, сделанное из волнистой травы (“pleasant lair of wavy grass”). Так явления природы становятся ближе для человека, привыкшего к комфорту, но уставшего от постоянного заключения в городе.

Тот же приём используется Китсом в сонете «Моему брату Джорджу». И здесь он описывает природные явления, наделяя их человеческими характеристиками. В частности, солнце поцелуем убирает слёзы из глаз утра:

The sun, when he kist away the tears	Прогнало солнце поцелуем слёзы
That fill’d the eyes of morn (J.K., p. 38).	С ресниц рассвета... (К.Д., с. 41)

Подробная психологическая характеристика даётся также морю. Оно у Китса надеется, боится, к тому же обладает таинственным голосом. Причём важно отметить, что всё вышеописанное представляется писателю абсолютно обычным. Китс воспринимает все явления природы как нечто наделённое жизнью, чувствами, переживаниями, личными качествами. Поэтому он не видит загадок и чудес в их жизни и говорит брату: не будь этой очеловеченной природы, нечего было бы назвать истинной красотой.

Человеческими качествами наделены розы в сонете Китса «Другу, пришедшему мне розы». Однако олицетворение используется здесь с несколько иной целью. Любопытно, что в трёх катренах Китс говорит о розах, останавливаясь на их биологических качествах, и только в последнем двустишии у цветов появляются мягкие голоса, которые с нежной мольбой шепчут о мире, правде и вечной дружбе:

Soft voices had they, that with tender plea	Мне прошептал хор лепестков живой
Whisper’d of peace, and truth, and	О дружбе истинной и счастье прими-
friendliness unquell’d (J.K., p. 40).	ренья (К.Д., с. 43).

В последней строчке третьего катрена Китс говорит, что зачарован их великолепием, после чего ставит двоеточие. Этим он показывает, что цветы не на самом деле говорили, как море в предыдущем сонете, но создавали определённое настроение автора, который как раз и размышлял над различными философскими категориями под влиянием красоты цветов.

Необходимо рассмотреть, помимо всего, некоторые образы природы, чьё понимание сопряжено с определёнными трудностями ввиду символичности.

Это главным образом цветы. Например, фиалка, по Китсу, эмблема оживающей весенней природы:

Great spirits now on earth are sojourning;	Великие живут и среди нас:
He of the cloud, the cataract, the lake,	Один, с природой слитый воедино,
Who on Helvellyn's summit, wide awake,	Озёрный край с вершины Хелвеллина
Catches his freshness from Archangel's	Вбирает сердцем, не смыкая глаз;
wing: He of the rose, the violet, the spring	Другой – с улыбкою ведёт рассказ
(J.K., p. 44).	(К.Д., с. 48).

Символическое значение розы, как известно, многогранно. В христианской мифологии она воплощает в себе милосердие, всепрощение, божественную любовь, мученичество и победу [20, с. 224]. В Англии этот цветок в первую очередь ассоциируется с Войной Алой и Белой розы (1455–1485). С древних времён роза считается царицей цветов, а Китс не только посвящает ей целое стихотворение, но и использует как символ красоты:

Sweeter by far than Hybla's honied roses	Но всё ж ты пламенно любима мною –
When steep'd in dew rich to intoxication	И к розам Гиблы, что таят вино (К.Д.,
(J.K., p. 38).	с. 42).

Гвоздика в Англии долгое время считалась символом любви и чистоты, о чём рассказывают народные легенды (см., например, [21, с. 120]); кроме того, упоминается в таких произведениях английской литературы, как «Зимняя сказка» Шекспира (Ш., с. 68) и «Кентерберийские рассказы» Чосера (Ч., с. 132). Не забывает автор и о колосьях хлеба – предметах обряда, которые приносят в храм Флоры:

No crowd of nymphs soft voic'd and	Не встретить нимф, спешащих по лу-
young, and gay,	гам
In woven baskets bringing ears of corn,	Нежногласой праздничной толпою
Roses, and pinks, and violets, to adorn	Колосьями, цветами и листвою
The shrine of Flora in her early May	Украсть Флоры ранний майский храм
(J.K., p. 2).	(К.Д., с. 5).

Таким образом, анализ сонетов Джона Китса позволяет выделить концепт природы в его творчестве. Поэтом включаются в него все природные явления: от масштабных морей, океанов, лесов, небесных светил до отдельно взятых элементов, как розы, кузнечики, соловьи, жаворонки и т. д. Природа в лирике английского романтика XIX в. противопоставлена цивилизации, олицетворяет собой истинную красоту, ведь последнюю Китс видит только в естественности. Природа всегда осмысливается поэтом только с положительной стороны, хотя существует в его лирике внутренняя борьба между различными её проявлениями. Данный концепт включает в себя мифологическую составляющую, которая даёт возможность воспринять природу как богиню. Для поэта природа изменчива. Здесь и образ родины, разделяемый на ту, что даётся по рождению (Англия), и ту, куда стремится дух (Италия).

Источники

- Л.К. – The Complete Poems of John Keats. – Ware: Worthsworth, 1994. – 512 p.
- К.Д. – *Китс Дж.* Стихотворения. Ламия, Изабелла, Канун св. Агнессы и другие стихи. – М.: Наука, 1986. – 399 с.
- Ш. – *Шекспир У.* Полное собрание сочинений: в 8 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1949. – Т. 8. – 310 с.
- Ч. – *Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы. – М.: Наука, 2012. – 964 с.

Литература

1. *Халтрин-Халтурина Е.В.* Поэтика «зарений» в литературе английского романтизма: романтические суждения о воображении и художественной практике. – М.: Наука, 2009. – 350 с.
2. *Зиновьева А.Ю.* Творчество Джона Китса и философия романтической поэзии: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 171 с.
3. *Жужигина Т.* «Ламия» Джона Китса в русских переводах: античный интертекст и романтическая мифопоэтика. – URL: <http://www.proza.ru/2016/05/11/>, свободный.
4. *Дудко А.Э.* Переводческая рецепция английского сонета эпохи романтизма в русской поэзии XIX – начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук. – Орёл, 2013. – 239 с.
5. *Поздняков А.Н.* Функционирование в русской литературе XX века английской и испанской поэзии в переводах Б. Пастернака: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2007. – 17 с.
6. *Newey V.* Keats, history, and the poets // *Roe N. Keats and History.* – London: Cambridge Univ. Press, 1995. – P. 165–193.
7. *Homans M.* Keats's Lipsing Sedition // *Essays in Criticism.* – 1992. – V. 42, No 1. – P. 36–55.
8. *Levinson M.* Keats's Life of Allegory: The Origins of a Style. – Oxford: Basil Blackwell, 1988. – 346 p.
9. *John Keats: Complete poems / Ed. J. Barnard.* – London; N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1993. – 188 p.
10. *Bennett A.* Keats, Narrative and Audience: The Posthumous Life of Writing. – London; N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1994. – 268 p.
11. *Касаткина Г.Г.* «Ода греческой вазе» Джона Китса в России: Судьба эстетической идеи в процессе восприятия поэтического текста // *Художественное произведение в литературном процессе: Межвуз. сб. науч. тр.* – М.: МГПИ, 1985. – С. 56–76.
12. *Эртнер Д.Е.* Звёздная метафорика в поэзии Джона Китса // *Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы ежегод. науч. конф., 25 окт. 2001 г., г. Тюмень, Россия / Отв. ред. Н.Н. Лыкова.* – Тюмень: Изд-во ТГТУ, 2002. – С. 74–76.
13. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.: Гнозис, 1994. – 216 с.
14. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
15. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. – 824 с.
16. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. – М.: Флинта, 2009. – 176 с.

17. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
18. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 315 с.
19. *Дьяконова Н.Я.* Джон Китс. Стихи и проза. – Л.: Наука, 1986. – 30 с.
20. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 336 с.
21. *Красиков С.П.* Легенды о цветах. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 303 с.

Поступила в редакцию
22.11.16

Линючкина Ева Григорьевна, преподаватель кафедры иностранных языков для естественно-научного направления

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: evalinyu@mail.ru

Козырева Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: kozyr2m@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 1, pp. 242–255

The Concept of Nature in the Sonnets by John Keats

E.G. Linyuchkina *, *M.A. Kozyreva* **

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: * evalinyu@mail.ru, ** kozyr2m@mail.ru

Received November 22, 2016

Abstract

The paper considers the concept of nature in the sonnets of John Keats, an English romantic poet of the early 19th century. The relevance of the problem under investigation is due to the interest of modern philology in the individual style of authors. The purpose of the paper is to determine the concept of nature in the most representative works of the author. The leading method to the study of this problem is thorough analysis of the original works by J. Keats, written in the genre of the sonnet, which is characteristic for the studied poet.

The analysis revealed that the concept of nature in J. Keats' works is composed of several interacting layers. Firstly, the nature appears in its various manifestations, from the very small (grain, grasshopper, drop of dew) to the biggest ones (ocean, rock). The objects and phenomena of nature act not only as visual images familiar to the reader, but also as a variety of symbols. Thus, J. Keats implies a rich symbolic meaning into the images of flowers (rose, violet, carnation, and others). Secondly, the concept of nature is inseparably connected with the philosophical concepts of love and beauty. For J. Keats, the nature is synonymous to love and beauty, being, at the same time, more meaningful than they are.

Thirdly, the concept of nature includes biblical and mythological images that act as the personified forces of nature. And, finally, feelings and emotions of the lyrical character of J. Keats caused by the contemplation of the natural beauty of the world are in harmony with the nature. Thus, the paper shows that the concept of nature in the sonnets of J. Keats is formed at the objective, philosophical, and symbolic levels, as well as at the level of feelings.

The materials of the paper may be useful for the scientists studying the work of J. Keats, teachers of the English literature of the 19th century, and poetry translators dealing with J. Keats' rendering into the Russian language.

Keywords: concept of nature, John Keats, mythological images, concept of beauty, concept of love, England, Italy, symbol

References

1. Khaltrin-Khalturina E.V. The Poetics of "Glows" in the Literature of English Romanticism: Romanticist Thinking about Imagination and Art Practices. Moscow, Nauka, 2009. 350 p. (In Russian)
2. Zinov'eva A.Yu. Works of John Keats and philosophy of Romanticist poetry. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 2001. 171 p. (In Russian)
3. Zhuzhigina T. "Lamia" by John Keats in Russian Translations: Antique Intertext and Romanticist Mythopoetics. Available at: <http://www.proza.ru/2016/05/11/>. (In Russian)
4. Dudko A.E. Translational reception of the English sonnet of the epoch of Romanticism in the Russian poetry of the 19th – early 20th centuries. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Orel, 2013. 239 p. (In Russian)
5. Pozdnyakov A.N. Functioning of English and Spanish poems translated by B. Pasternak in Russian literature of the 20th century. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Astrakhan, 2007. 17 p. (In Russian)
6. Roe N. Keats and History. *Newey V. Keats, History, and the Poets.* London, Cambridge Univ. Press, 1995, pp. 165–193.
7. Homans M. Keats's Lipsing sedition. *Essays in Criticism*, 1992, vol. 42, no. 1, pp. 36–55.
8. Levinson M. Keats's Life of Allegory: The Origins of a Style. Oxford, Basil Blackwell, 1988. 346 p.
9. John Keats: Complete Poems. Barnard J. (Ed.). London, New York, Cambridge Univ. Press, 1993. 188 p.
10. Bennett A. Keats, Narrative and Audience: The Posthumous Life of Writing. London, New York, Cambridge Univ. Press, 1994. 268 p.
11. Kasatkina G.G. Work of Fiction in Literary Process. "Oda grecheskoi vase" *Dzhona Kitsa v Rossii: Sud'ba esteticheskoi idei v protsesse vospriyatiya poeticheskogo teksta* ["Ode on a Grecian Urn" by John Keats in Russia: The Fate of the Aesthetic Idea during the Process of Reception of the Poetic Text]. Moscow, MGPI, 1985, pp. 56–76. (In Russian)
12. Ertner D.E. Methaphorics of stars in John Keats' poetry. *Problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: Materialy ezhegod. nauch. konf., 25 okt. 2001 g., u. Tyumen', Rossiya* [Problems of Linguistics and Methods for Teaching Foreign Languages: Proc. Annu. Sci. Conf., Oct. 25, 2001, Tyumen, Russia]. Lykova N.N. (Ed.). Tyumen, Izd. TGTU, 2002, pp. 74–76. (In Russian)
13. Neretina S.S. Word and Text in Medieval Culture: Abelard's Conceptualism. Moscow, Gnozis, 1994. 216 p. (In Russian)
14. Arutyunova N.D. Sentence and Its Meaning: Logical and Semantical Problems. Moscow, Nauka, 1976. 383 p. (In Russian)
15. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of the Russian Culture. Experience of Investigation. Moscow, Shk. Yazyki Russ. Kul't., 1997. 824 p. (In Russian)
16. Prokhorov Yu.E. In Search of Concept. Moscow, Flinta, 2009. 176 p. (In Russian)
17. Maslova V.A. Introduction to Cognitive Linguistics. Moscow, Flinta, Nauka. 2007. 296 p. (In Russian)
18. Popova Z.D., Stermin I.A. Cognitive Linguistics. Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2007. 315 p. (In Russian)
19. D'yakonova N.Ya. John Keats. Poems and Prose. Leningrad, Nauka, 1986. 30 p. (In Russian)

-
20. Bidermann G. Encyclopedia of Symbols. Moscow, Respublika, 1996. 336 p. (In Russian)
21. Krasikov S.P. Legends about Colors. Moscow, Molodaya Gvardiya, 1990. 303 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Линючкина Е.Г., Козырева М.А. Образ природы в сонетах Джона Китса // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 242–255. ⟩

⟨ **For citation:** Linyuchkina E.G., Kozyreva M.A. The concept of nature in the sonnets by John Keats. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 242–255. (In Russian) ⟩